ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
25 июня 1986 г. № 26 (5092)

Архив ЛГ

«Литература у нас крайне серьезное дело»

Из писем А. М. Горького

Письма Горького — существенная часть его литературного наследия, важнейший источник для изучения жизненного и творческого пути великого пролетарского писателя, его активной общественно-политической деятельности. В письмах Горького и его корреспондентов запечатлена целая эпоха в истории России и всего мира начиная с 80-х годов прошлого века, картина грандиозных преобразований в социальной и духовной жизни советского общества, процесс становления и развития литературы социалистического реализма.

Как и все рукописное наследие писателя, его письма сосредоточиваются и хранятся в Архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы АН СССР. В настоящее время здесь находится около десяти тысяч писем Горького. И это собрание постоянно пополняется. Так, в 1977 году, после кончины Константина Александровича Федина, его дочь, Нина Константиновна, исполняя волю отца, передала в дар архиву более сорока писем Горького. В 1979 году наш давний друг, вдова французского писателя Ромена Роллана, Мария Павловна Роллан, безвозмездно передала около шестидесяти писем Горького Роллану. Сорок пять горьковских писем также безвозмездно передала нам наследница Корнея Ивановича Чуковского — Елена Цезаревна Чуковская.

Мы бесконечно признательны всем, кто пополнил эпистолярный фонд Архива А. М. Горького. Хотелось бы выразить особую благодарность Анне Григорьевне Дзиоган и Светлане Петровне Кочетовой — переданные ими письма включены в нынешнюю подборку.

Архив А. М. Горького не только хранит литературное наследие писателя, но и широко публикует его произведения и письма. Прежде всего надо упомянуть сборник «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы» (подготовлен совместно с ИМЛ при ЦК КПСС), книги «М. Горький и А. Чехов», «М. Горький и В. Короленко», тома «Архива А. М. Горького» — «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами» (т. VIII), «М. Горький и советская печать» (т. X, в 2 кн.), «Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым» (т. XI), «М. Горький и сын. Письма. Воспоминания» (т. XIII), «М. Горький. Неизданная переписка» (т. XIV).

В серии «Литературное наследство» выпущены книги «Горький и советские писатели. Неизданная переписка» (т. 70), «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка» (т. 72).

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Литературной газеты» несколько писем А. М. Горького разных лет. Они публикуются по подлинникам, хранящимся в архиве писателя.

С. С. ЗИМИНА,
заведующая Архивом А. М. Горького, кандидат филологических наук

Анне Григорьевне ДЗИОГАН

А. Г. Дзиоган родилась в 1895 году. Работала учительницей, теперь на пенсии. Живет в Челябинске.

31 октября 1985 года, обращаясь в Архив А. М. Горького, Анна Григорьевна писала:

«Наконец-то я могу спокойно умереть, определив эту реликвию — письмо А. М. Горького по принадлежности...

С Горьким я лично не была знакома. Но, живя с ним в одном доме в Петрограде по Кронверкскому проспекту, № 23, очень часто его видела, поскольку окна моей комнаты были напротив балкона квартиры Горького. На балконе Горький сидел, читая газету, курил. Во двор часто приходили бродячие музыканты. И, при всех трудностях, Горький никогда не оставлял их без внимания. Бросал им (с балкона второго этажа) не деньги, а что-нибудь завернутое в бумагу (деньги в то время не имели цены). А вот когда, раз в месяц, приходил со скрипкой студент электротехнического института, так А. М. Горький всегда бросал ему сигареты и сахар. Вероятно, свой паек ученого отдавал студенту...

Живя уже не на частной квартире, а в студенческом общежитии пединститута имени Герцена, мы, студенты, решили организовать кружок, но между организаторами не оказалось единства. Одни считали высшим долгом посвятить себя естественным наукам, другие, большинство, в том числе и я, — гуманитарным. Написали письмо Алексею Максимовичу с просьбой помочь нам решить трудный вопрос. Избрана я была уполномоченной в этих хлопотах. Вот так оказалось письмо А. М. Горького у меня. Вышлю его с оказией.

О вознаграждении не может быть и речи. Это мой долг. Я рада, что выполнила его».

Вскоре внук Анны Григорьевны А. А. Поляк привез из Челябинска письмо Горького.

9. IV. 21.

Я только вчера приехал из Москвы и — через два дня — снова возвращаюсь туда. За эти дни я не найду время видеть Вас.

Наскоро попытаюсь сказать, что я думаю о вопросах, волнующих Вас.

Что делать? — спрашиваете Вы. В Ваши годы только одно дело можно делать с успехом — более или менее — несомненным, это — учиться. А учиться следует всему, что Вас занимает, полезнее же всего — изучать науки естественные, как наиболее незыблемые в их основах и наиболее необходимые людям. Именно этот ряд наук находится ныне в состоянии наиболее плодотворного напряжения, — в том творческом напряжении, которое, несомненно, разрешится величайшими открытиями и изобретениями и которое обещает облегчить жизнь и труд замученного человечества.

Работать в этой области — священный долг и великое счастье.

Гуманитарные науки? Конечно, и это хорошо, но — еще не было времени более неудобного для роста гуманитарных наук, чем наше время. <...>

Я приеду недели через две. Мой телефон — 2-12-68. Звоните и уговоримся о продолжении этой беседы.

М. ГОРЬКИЙ

В. В. ВОРОВСКОМУ

Вацлав Вацлавович Воровский (1871—1923) — государственный и партийный деятель, публицист, литературный критик. С 1921 по 1923 год — полпред Советской Республики в Италии. Личное знакомство Горького и Воровского состоялось в 1905 году в период их работы в газете «Новая жизнь».

<30 июня 1921 г.>

Дорогой Вацлав Вацлавович!

<...> У нас—плохо. Голод принимает размеры значительно более трагические, чем голод 92 г. До 25 миллионов людей — без хлеба. Деревни юго-востока бросают все свое хозяйство, запрягают в телеги некормленных лошадей и — едут на Кубань, на Кавказ, куда глаза глядят. Таких «людей на колесах» считается уже до 6 миллионов <...>. А тут еще холера, дизентерия.

Не найдете ли Вы возможным сделать что-либо в Италии, что облегчило бы наше положение? Нельзя ли собрать медикаментов, — особенно необходимы антисептические, — не дадут ли итальянцы красного вина, фруктовых кислот, сахару? Рису?

Вчера в Оргбюро рассматривалось мое предложение: организовать комитет общественных деятелей для борьбы с голодом и эпидемиями, а также для поездки в Америку на предмет агитации в пользу долгосрочного займа хлебом. В<ладимир> Ильич относится к этой идее сочувственно. Думает занять 100 миллионов пудов.

Я прошу милостыню всюду: даже во Франции, где организовался Комитет помощи русским ученым. Кое-что получим от финнов, норвежцев и голландцев. Вот бы и Италия прислала несколько вагонов продовольствия. Хоть бы несколько вагонов!

Будьте здоровы, сердечный привет!

А. ПЕШКОВ

30.VI.21.

А. Е. БОГДАНОВИЧУ

Адам Егорович Богданович (1862—1940) — этнограф, фольклорист, лингвист. Автор воспоминаний «Страницы из жизни Максима Горького».

В письме от 2 мая 1925 года Богданович благодарил Горького за память о старой дружбе, говорил, что хотел бы повидаться «просто так».

16.V.25.

Из письма Вашего, дорогой Адам Егорович, явствует, что Вы остались тем же, чем были, каким я знаю Вас, — бодрым, звучным человеком, который не позволяет «условиям» верховодить над собою. Я получаю в месяц, вероятно, 150—200 штук писем из России и из разных концов земли, от Харбина и Мельбурна до Марокко и Парижа. Отовсюду — стоны, вопли, ропот. <...> Ваше письмо я прочитал раза три, читал и прислушивался — стонет? Нет, не слышно. Это — необычно, А. Е., честное слово! Поверьте, — я не комплименты говорю, а «просто так», — отмечаю нечто исключительное. И очень захотелось мне повидаться с Вами «просто так». Вы глубоко правы, старый друг, «в этом просто так есть своя прелесть и ценность». Это я очень понимаю. Но не уверен, что мы увидимся <...>. Я живу здесь, я имею возможность учиться писать и, кажется, учусь не без успеха. Написал большую повесть[1], говорят — она лучше того, что написано мною раньше. Пишу огромнейший роман[2]. Прошу Е. П. послать Вам книгу моих рассказов, написанных в 22—24 годах[3], почитайте и поругайте.

Если Вы переписываетесь с Гриневицкими[4], будьте добры передать им сердечный мой привет. Очень помню и люблю эту чету.

Вы остались таким же книголюбом, как были? Вас, наверное, очень огорчили бы объявления эмигрантских газет о продаже антикварных книг по унизительно дешевым ценам. Да огорчила бы и здешняя, болезненная озлобленность, садическая грызня и все растущая безграмотность, искажение русского языка. Говорят и пишут здесь хуже, чем в России, где, все-таки, наблюдается стремление найти эти формы языковые, точно отвечающие не только «злобе дня», но и тому, что бродит в глубине душ. Люди здесь страшненькие и дрянненькие. Это — погибшие люди. Совершенно.

Я в хороших сношениях с Россией, с литературной молодежью, и она мне нравится, возбуждает большие надежды. Уверенно жду, что скоро родятся крупные таланты. Вижу и чувствую много нелепого, торопливого, грубого, но это меня не очень огорчает. А радует меня единогласное удивление немецких, французских и чешских педагогов пред талантливостью русских детей. Сын Ивана Вольного, 10-летний Илья, «король латыни» в Неаполитанской школе, переходит из класса в класс без экзаменов[5]. Таких мальчиков много, с ними носятся как с феноменами. Это — везде.

Юношество тянет в Россию. Ему приходится скрывать это тяготение, здесь не любят людей, которые относятся к России «благосклонно», и даже таких, которые говорят о ней объективно. Тот — еретик, кто не думает, что Русь — грязнейший ад. Да, это так.

Спасибо Вам за письмо, дорогой А. Е.! Вы не можете представить, как приятно было мне получить его. Будьте здоровы, всего хорошего!

А. ПЕШКОВ

В Рыбинске — не бываете? Там живет интереснейший человек Алексей Алексеев Золотарев[6], переводчик Джордано Бруно, беллетрист; председательствует в каком-то «Научном об-ве». А — Нижний-то! Издает, все-таки, свой календарь[7].

[1] «Дело Артамоновых».
[2] «Жизнь Клима Самгина».
[3] Горький просил Е. П. Пешкову послать Богдановичу «Рассказы. 1922—1924 гг.» (Берлин, 1925).
[4] Станислав Иванович Гриневицкий (1863—1926) редактировал с 1899 по 1905 г. «Нижегородский листок», где Горький сотрудничал с 1896 по 1902 г.
[5] О писателе Иване Вольном (литературный псевдоним И. Е. Вольнова, 1885—1931) Горький рассказал в очерке «Иван Вольнов». Его сын, Илья Иванович Вольнов (р. 1913), ныне доктор химических наук, профессор.
[6] А. А. Золотарев (1878—1950) — писатель, краевед. Печатался в сборниках «Знание». Жил на Капри. О встречах с Горьким рассказал в воспоминаниях «Горьковский период на Капри».
[7] «Русский астрономический календарь» издавался нижегородским обществом физики и астрономии с 1895 г. В статье «Заметки читателя» Горький высоко отзывался об этом издании.

Р. П. ЭЙДЕМАНУ

Роберт Петрович Эйдеман (1895—1937) — военный деятель, латышский писатель. Участник Октябрьской революции и гражданской войны. В 1925—1932 годах был начальником и комиссаром Военной академии имени М. В. Фрунзе.

<14 ноября 1931 г.>

Дорогой т. Эйдеман —

в письме от 27.X. т. Халатов[1] известил меня, что посылает мне Ваши книги: «Восстание камней» и «На заре»[2]. Сегодня 14-XI, а книг все еще нет, очевидно, они или не посланы, или потерялись в пути, но — последнее, вообще, не бывает, почту я получаю аккуратно. Познакомиться с литературной работой Вашей мне интересно да и важно, работая с товарищем в одном деле, «рука с рукой», хочется знать его всесторонне. Поэтому я очень прошу Вас: дайте книжки тов. Крючкову[3], а он уж вышлет их мне.

Теперь — вот что: в присланном мне протоколе от неизвестного числа октября по вопросу о типе издания постановлено: «Каждый том представляет законченный сборник научно-политических статей и художественных произведений». Протестуя еще раз против этого постановления[4], сообщаю Вам: В последнем свидании моем с И. В. Сталиным мы окончательно договорились о типе издания «Ист<ории> гр<ажданской> войны»: каждый том пишется по программе, намеченной планом, каждый том представляет собою связное исторически и хронологически точное и популярное изложение хода событий вооруженной классовой борьбы по областям; материалом для каждого тома служат воспоминания и мемуары участников, проверенные и обработанные военными историками и историками-марксистами, а также — в целях особенной яркости и популярности — литераторами-художниками. Это и должна быть «история» в подлинном смысле понятия. Все же, что по тем или иным причинам, напр., по причине художественной цельности, по объему, по форме: романы, пьесы, стихи, рассказы — не подойдет или может нарушить связность исторического изложения, — все это издается в форме сборников, альманахов как добавление к истории, как отдельная серия «Материалов по ист. гр. войны». Так договорились мы. Но после моего отъезда состоялось заседание, на котором вопрос о типе издания снова был поднят и решен неправильно: все 15 т. — сборники разнообразных статей беллетристов, мемуаристов, военных и политических историков. Я продолжаю твердо стоять на моей точке зрения: невозможно, чтоб генеральный секретарь <ЦК> партии и министры: военный, просвещения подписывали как редактора какие-то чортовы альманахи! Невозможно это! Вы неизбежно рискуете скомпрометировать и главную редакцию — и все издание истории. Да и читателю эти альманахи не дадут того, что должна дать «История», написанная связно и хронологически последовательно. Поймите меня: совершенно невозможно смешивать историю с беллетристикой! Последняя, частично, может служить иллюстрационным материалом для истории, но никоим образом не «история», а — более или менее «выдумка». И Вы и я беллетристы, мы оба знаем, что беллетрист, хотя бы и строгий реалист, все-таки субъективен, а наша история требует строго, классового объективизма, наш герой класс, а не единица, излюбленный герой беллетриста. В нашей истории первой классовой войны в мире роль художника слова сводится только к формальной шлифовке материала, к его популяризации и раскраске. Я считаю совершенно необходимым следующее: если будет признано, что надо издавать какие-то пестрые сборники, то следует изменить титул издания, нужно озаглавить его так:

«Материалы по истории гражданской войны».

Назвать это издание «Историей» мы получим право только тогда, когда придадим каждому тому издания характер связного точного изложения событий, на чем я и настаиваю. Разница этих двух типов — огромна. Издавая сборники, мы рискуем скомпрометировать главную редакцию, и я решительно заявляю, что в деле неизбежной компрометации генерального секретаря <ЦК> партии, пред. Совнаркома и наркомов я не могу принять участия.

Дорогой товарищ, очень прошу Вас поставить это мое заявление на суд второй редакции. Мы начали очень серьезное дело и обязаны отнестись к нему глубоко серьезно.

[1] Письмо А. Б. Халатова от 27 октября 1931 г. опубликовано в «Архиве А. М. Горького» (т. X, кн. 1, стр. 249—251).
[2] На книге «Восстание камней и другие рассказы», хранящейся в Архиве А. М. Горького, — надпись: «Инициатору «Истории гражданской войны», дорогому Алексею Максимовичу от одного из участников этой войны. Р. Эйдеман. 22.X.31».
[3] П. П. Крючков — секретарь Горького.
[4] В Архиве А. М. Горького хранится письмо Эйдемана в главную редакцию «Истории гражданской войны» о характере томов этого издания. На полях письма Горький дважды написал: «Против». В конце сделал приписку: «Ориентироваться на Ленина — на простоту, связанность изложения, стратегия входит в материал».

Свои возражения Эйдеману Горький, по всей видимости, развернуто изложил в настоящем письме.

<Февраль (?) 1932 г.>[1]

Уважаемый Роберт Петрович —

книги Ваши прочитал. На мой взгляд, основные недостатки их таковы: непродуманность и неясность образов. Смотрите первую фразу «На заре», в ней слова расставлены так, что «лягаются» «тучки». «Пастбище небосклона» — горизонт? Трудно рассмотреть на горизонте, что жеребята «серые, в яблоках». Сравнение жеребят с облаками — неверно: жеребята строго оформлены, облака ежеминутно меняют форму, ибо Вами указано — дует ветер. «Туча людей»,— пишете Вы и даете семерых, а читатель ждет сотен. Обе книги испещрены такими неверными сравнениями и образами. Затем: весьма часто Вы вставляете в текст вопросы от автора; характерный пример: 108 стр. «Восстания камней». <На стр.> 249 в скобках «одна ли она»? Почему Вы вводите в текст скобки? Они придают тексту характер черновика, усиливают впечатление недоделанности.

Далее: крайне удивляет сентиментализм, совершенно не совпадающий с драматизмом Ваших тем. Чаще всего он у Вас проявляется там, где Вы касаетесь сексуальных тем и, порою, как, напр., в «Главе о страстях» — совершенно не приемлем. Пишете Вы чрезвычайно многословно, не заботясь о том, чтоб все было просто, ясно, крепко.

Мне понравился рассказ «Шпион», но и этот рассказ тоже не доделан, а конец его, «о глазах женщины»,— прилеплен механически. На 56-й стр. Ваш, авторский вопрос: «Не уходила ли из него жизнь» и т. д. расхолаживает впечатление. Кому или пред кем ставите Вы все эти вопросы, разрывающие текст? Иногда Вы както странно «манерничаете», напр., стр. 220. А на стр. 135 нечто еще более непонятное: зачем Вам нужно было рассказывать читателю о том, чего Вы «не рассказали»? В этом есть что-то похожее на отсутствие уважения к читателю.

Общее впечатление от книжек — не <в> Вашу пользу: очень сырые книжки. Мне очень хотелось бы сказать о них нечто приятное, но — ничего не нахожу. Очень хорошие темы, очень ценный материал, а обработан — плохо. Не сердитесь, Р. П., за этот отзыв,— литература у нас крайне серьезное дело[2].

[1] Датируется по письмам Эйдемана Горькому от 31 января и 4 сентября 1932 г.
[2] Отвечая Горькому на критику своих произведений, Эйдеман писал 4 сентября 1932 г.:

«Дорогой Алексей Максимович!

Глубоко извиняюсь, что так задержался со своим ответом, так как все это время я — то в дороге, то в «полевой обстановке».

Мне прямо совестно, что Вы на чтение и просмотр посланных Вам книг потратили столько времени и усилий. И чем больше я всматриваюсь в Ваши замечания на полях книг, тем больше убеждаюсь, что Вы, мастер слова, вправе были крепко ругать меня за промахи, за неряшливость, за неубранные стружки и мусор.

Отмеченные Вами погрешности я вовсе не отношу, как это принято, на счет переводчика. Вина вся — на мне! Писал я свои книги урывками, на ходу, в спешке... А теперь — вот уже три года, как я ничего не делаю в области литературы. Все мои очерки и повести — это быль; в основе их — действительные события, факты, живые или в большинстве уже мертвые люди... Материал давит меня, глыбами валится на меня. И нет у меня времени на отшлифовку этих глыб. Поэтому я себя не обманываю: успех моих книг, нашедших массового читателя, только в их тематике.

Теперь — о несерьезном отношении к литературе. Я слишком уважаю Вас, дорогой Алексей Максимович, чтобы кривить «душою» и не сказать, что в этом я с Вами согласиться не могу <...>.

Искренне благодарю за суровый ответ и внимание!

Ваш ЭЙДЕМАН».

П. И. КОЧЕТОВУ

Петр Иванович Кочетов (1899—1980) — по профессии юрист. Был внештатным инспектором бюро жалоб Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, внештатным корреспондентом «Рабочей газеты», журнала «Крокодил».

Письма Горького Кочетову передала в архив дочь адресата — Светлана Петровна Кочетова.

<24 августа 1928 г.>

Спасибо за дружеское письмо, Петр Иванович!

Хорошее, бодрое чувство вызывают такие письма, как Ваше,— письма «новых» людей, идущих смело, «к утренней заре социализма на укрепление могущества рабочих и крестьян»,— очень хорошо сказано это Вами.

Да, прекрасно растет трудовой народ наш и неописуемо рад я, что дожил до таких великих дней строительства действительно новой жизни, рождения действительно новых людей.

Крепко жму руку Вашу.

М. ГОРЬКИЙ

24-VIII-28

<8 сентября 1928 г.>

Дорогой товарищ Петр Иванович — спасибо за дружеское письмо!

Да, Ваша правда: рабочие и крестьяне живут «на заре социализма», лучшие из них мужественно работают «на укрепление своего могущества», и в поучение рабочим и крестьянам всей земли.

Обидно видеть, что рядом с лучшими у нас все еще много пьяниц и лентяев, много людей, которые не понимают величие задачи, поставленной к разрешению рабочим классом. Обидно и то, что многие, заботясь о своем личном хозяйстве — равнодушны к хозяйству государственному, к общему делу всех трудящихся, к созданию бесклассового государства, где все трудящиеся были бы экономически равны и где — поэтому — исчезла бы зависть, жадность, злоба, источник всех несчастий человечества, причина кровопролитных войн, грязной жизни, пороков, болезней.

Но, товарищ, я непоколебимо верю, что культурная работа людей таких, как Вы и Вам подобные, одолеет всю подлую и гнусную суматоху этой противной, мещанской жизни, что сознательные работники, социалисты перестроят все порядки жизни, все ее основы так, как они хотят, «на свой салтык».

Крепко жму Вашу руку, товарищ.

М. ГОРЬКИЙ

8.IX.28.

Публикацию подготовили
С. С. ЗИМИНА, А. Е. ПОГОСОВА

В обновленном музее

У СТАРИННОГО особняка на улице Воровского в Москве высится бронзовая фигура молодого Горького. В особняке расположен музей писателя, организованный вскоре после его смерти. Почти полвека работает музей — за это время с его экспозицией ознакомилось более двух с половиной миллионов человек.

Вопреки распространенному мнению, подлинный музей — это живой, развивающийся организм. Постоянно пополняются его фонды, самые интересные материалы обязательно становятся достоянием посетителей. Отмечая день памяти Горького, его московский музей в очередной раз обновил свою экспозицию.

Московский музей Горького обладает замечательной коллекцией портретов писателя. Среди них — знаменитые живописные полотна кисти В. Серова, М. Нестерова, Б. Григорьева, И. Бродского, П. Корина, графические листы Л. Пастернака и Т. Стейнлена, О. Бегаса и Ю. Анненкова, С. Чехонина и В. Шухаева, скульптуры С. Коненкова, И. Шадра, И. Кампаньоли. Приобрести в наши дни натурный портрет Горького очень непросто. Тем не менее музею удалось получить несколько таких работ.

В архиве художника Л. Пастернака в Лондоне сохранилась небольшая зарисовка карандашом, сделанная в 1906 году, в период работы над горьковскими портретами. Дочь художника Л. Л. Пастернак-Слейтер прислала рисунок в дар музею. Сейчас этот подготовительный набросок занял свое место в экспозиции рядом с известным графическим портретом Горького, созданным Л. Пастернаком в Целендорфе под Берлином в марте 1906 года во время недолгого пребывания писателя в Германии по пути в Америку.

Другой горьковский портрет выполнен И. Дмитриевым-Челябинским. Это один из серии портретов, создававшихся одновременно в августе 1910 года, когда Горький позировал сразу шестерым художникам, специально приехавшим на Капри. Два живописных полотна—И. Бродского и Н. Шлеина—давно находятся в экспозиции; теперь к ним добавился и карандашный рисунок Дмитриева-Челябинского.

Несомненный интерес представит и большой портрет Горького, сделанный в технике сангины П. Шухминым в 1936—1937 годах.

Музей располагает богатейшим собранием оригинальных фотографий Горького и его современников, многие из них — с автографами. Сейчас в экспозицию удалось включить еще одну, недавно полученную фотографию Горького с его дружеской надписью нижегородскому общественному деятелю В. А. Горинову. Особенно интересна дата на ней — 7 ноября 1901 года. Именно в этот день писатель был выслан из Нижнего Новгорода, и революционно настроенная молодежь собралась, чтобы проводить его. Об этой демонстрации писала «Искра».

Обогатилась материалами ленинская тема. Итальянский художник Ренато Гуттузо прислал одну из автолитографий, где в своеобразной экспрессивной манере выразил мысль о единении Ленина с народными массами.

Обращают на себя внимание впервые демонстрируемые прижизненные живописные портреты некоторых современников писателя.

Горький и Шаляпин. Их многолетняя дружба отражена в фотографиях с надписями друг другу, рисунках и подарках, рукописях, связанных с совместной работой над автобиографией артиста. Теперь экспозицию украсил великолепный портрет Шаляпина, выполненный художником Н. Харитоновым в 1916 году.

Раздел, посвященный Горькому — борцу против фашизма и войны, пополнили портреты Р. Роллана и А. Барбюса, вместе с которыми он возглавлял борьбу прогрессивных деятелей культуры в защиту мира. Эти полотна написаны в Париже в 1933 году украинским живописцем М. Глущенко.

В 1930 году Горького в Сорренто посетил Стефан Цвейг. Там его портрет сделал Ф. Богородский. Портрет Константина Федина, одного из наиболее близких Горькому писателей, создан художницей В. Ходасевич в конце 20-х годов.

Горьковские места. Это города и страны, связанные с жизнью и творчеством писателя.

Не случайны слова Алексея Максимовича: «Физически я родился в Нижнем Новгороде. Но духовно — в Казани. Казань — любимейший из моих «университетов». Казанская художница Н. Мавровская еще в начале 30-х годов сделала множество зарисовок горьковских мест города, сохранивших свой прежний облик; впоследствии по этим рисункам выполнила цветные офорты, три из них введены в экспозицию.

Пятнадцать лет прожил писатель в Италии. К каприйским и соррентийским пейзажам К. Горбатова, П. Кончаловского, В. Яковлева сейчас добавилось несколько полотен Ф. Богородского из его соррентийской серии. Экспозицию пополнил рисунок Н. Ульянова «Улица в Неаполе», сделанный в 1912 году; Сиена, Рим, Венеция предстали в рисунках, ксилографиях и линогравюрах А. Кравченко 20-х годов. Дом Данте во Флоренции запечатлен художником А. Лаптевым. «...Был на вилле Данта — т. е. Фолько Портинари, отца Беатриче, где в башне жил и работал Дант, — писал Горький в 1907 году. — Вилла теперь принадлежит некиим Бонди, они сохранили комнату поэта, не реставрируя ее, но в ней только стол, кресло, сундук и анафема. Все это — древнее, удивительно простое и какое-то особенное, все заставляет дрожать сердце».

Яркое живописное полотно изображает дом в Адирондаке (штат Нью-Йорк), где Горький работал над романом «Мать». Картина написана в 1966 году большим другом Советского Союза американским художником Р. Кентом. Посетив в 1962 году музей и увидев фотографию адирондакского дома, художник, сам живший в Адирондаке, разыскал этот дом, запечатлел его и преподнес свою работу музею. А ныне рядом с этой картиной помещено большое полотно Р. Кента — «Адирондакская долина» (также из числа работ, подаренных нашей стране).

Музей систематически собирает издания произведений Горького, особенно первые, начиная с газетных и журнальных публикаций. Исключительно богат раздел, посвященный роману «Мать», который открывается редчайшей книгой — первым изданием, выпущенным на английском языке в Америке в начале 1907 года; здесь же бесцензурные берлинские издания на русском языке, первые переводы на испанский, итальянский, шведский, чешский языки. Недавно из Англии получено в дар одно из ранних изданий романа под названием «Товарищи». Включены в экспозицию последние издания Горького, вышедшие как у нас в стране, так и за рубежом.

Начиная с 1981 года в музее раз в два года, в день рождения писателя, происходит вручение премии имени М. Горького за лучшую первую книгу. Книги молодых писателей с их дарственными надписями заняли место в витрине, рассказывающей о сегодняшней жизни горьковских начинаний и традиций.

Л. Н. ИОКАР,
заведующая экспозицией Музея А. М. Горького

П. ШУХМИН. Портрет А. М. Горького. Фрагмент. 1936—1937 гг.

Р. КЕНТ. Дом в Адирондаке. 1966 г. Здесь писатель работал над романом «Мать».